

УДЕРГУ

ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Эпосы, легенды и сказания Идегей. Татарский народный эпос

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68069651

Идегей : татарский народный эпос: Татарское книжное издательство;

Казань; 2019

ISBN 978-5-298-03862-1

Аннотация

Выдающееся средневековое произведение татарского народного творчества – эпос «Идегей» основан на реальных исторических событиях, происходивших в период распада Джучиева Улуса (Золотой Орды). Герои эпоса также являются реальными историческими лицами.

Издание предназначено для широкого круга читателей, интересующихся средневековым литературным и историческим наследием татарского народа.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

Содержание

I. О Токтамыш-хане, о ссоре его с Аксак-Тимиром, а также о том, как Токтамыш-хан приговорил Кутлыкыю-бия и его сына Идегея к смерти	6
II. О том, как Идегей рос под именем Кубугыла и стал судьёй	28
III. О том, как Токтамыш повелел своим биям испытать, кто такой в действительности Кубугыл	45
IV. О том, как Токтамыш-хан, выслушав песенное прорицание Субры, испытывал Идегея	67
V. О том, как Идегей убежал к Аксак-Тимиру	90
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Идегей. Татарский народный эпос

© Татарское книжное издательство, 2019

© Липкин С. И., перевод, насл., 2019

В издании использованы рисунки художника Байназара
Альменова (1909–1976)

* * *

μαεργεύ

I. О Токтамыш-хане, о ссоре его с Аксак-Тимиром, а также о том, как Токтамыш-хан приговорил Кутлыкыю-бия и его сына Идегея к смерти

В стародавние времена,
Там, где была нугаев страна,
А предком Нугая был Татар,
Там, где стольный Сарай стоял,
Там, где вольный Идиль бежал,
Там, где город Булгар блистал,
Там, где текла Яика вода,
Там, где была Золотая Орда,
Там, где жили кыпчак и болгар, —
Ханствовал над страною татар
Хан по имени Токтамыш.
Кто был ему друг – того любил.
Кто был ему враг – того губил.
То, чем владел он, были стада.
То, что имел он, были рабы:
В муках текли их года.

Ходила молва из края в край,
Хвалила город его Сарай:
Сотни башен взметнулись там,
Восемьдесят улиц там!
Алтын Таш – Золотой Дворец.
Лёг на жёлтый мрамор багрец.
Славой он был восьми стран —
Не этим дворцом гордился хан.
Сокол охотничий был у него,
Чёрный сокол Тюкли Аяк¹.
Сокола, чьи могучи крыла,
Хан запускал с луки седла,
Чтобы летел, добычу зажав.
Славой он был девяти держав.
А хан Токтамыш был таков:
Белый конь под ним – на земле,
Чёрный сокол пред ним – на седле.
Над гладью неисчислимых озёр
Следил за добычей ханский взор,
Следил, как птицы ручные летят.
Таков был этот азамат.
За струёю – речная струя,
За рекою – река Сыр-Дарья,
За Сыр-Дарьёю – Самарканд.
Самаркандом Тимир владел,

¹ Тюкли Аяк – «Пушистая Лапа», кличка сокола.

Шах-Тимир, державы глава.
Он Токтамышу письмо написал,
Были в письме такие слова:
«Если привольна Яик-река,
Если Идиль-река широка,
Если реки подвластны тебе,
Если за реками – Кук-Тубе,
Если стоит Сарай в Кук-Тубе,
Если ты в Сарае сидишь,
Если ты – хан Токтамыш,
Если тебе я подмогой был².
Если ты тот, кто когда-то пил
Лишек моего кумыса,
Если сокол сидит у тебя на шестке,
Чёрный сокол Тюкли Аяк,
Если вблизи и вдалеке
Славой он стал девяти стран,
Славой, гремящей из края в край,
Сокола мне передай!»
Письмо прочёл Токтамыш-хан.
Письмо прочёл, письмо свернул.
Налево один раз взглянул,
Направо один раз взглянул.
Вошёл в его сердце холодный лёд, —
Как сталь благородная, он посинел.

² Тимир помог Токтамышу в молодости стать ханом.

Вошёл в его сердце жаркий огонь, —
Как железо холодное, он потемнел.
Так раскалился добела.
Ответное письмо написал,
И речь его такой была:
«Речная струя, живая струя,
За той рекою – Сыр-Дарья,
За Сыр-Дарьёю – Самарканд.
Если ты – хромоногий Тимир,
Ты, – из рода Бырласа эмир,
Если ты в Самарканде сидишь,
Если я в Сарае сажу,
Я – хан Токтамыш;
Если зову я отцом – Туйгуджу;
Если мой прародитель – Чингиз;
Если мой сокол Тюкли Аяк
С высоты бросается вниз,
Вверх взлетает, добычу зажав;
Если славой он стал девяти держав, —
Твоим не будет он, Шах-Тимир!
Великий и строгий Шах-Тимир,
Эй, хромоногий Шах-Тимир!
Сокол есть у меня другой,
Белый сокол – Буз Туйгын³.
Эй, Шах-Тимир с короткой ногой,

³ Буз Туйгын – серый (белый) сокол.

Белый сокол не будет твоим!
Третий мой сокол – сокол плохой.
На мышей охотятся с ним.
Эй, Шах-Тимир, мечом не грози,
Если зубы сильны – камень грызи,
Третий мой сокол, бидаяк⁴,
Пусть будет твоим, Тимир-Хромец!»
Словам конец – и письму конец.
Луна погасла – кончился день.
Кончился день – упала тень.
Год прошёл, луга расцвели.
На озеро Чирули
Птицы слетелись со всех концов.
От сокола Тюкли Аяк
Самка вывела двух птенцов.
Прозрачными стали утра.
Охоты приходит пора.
Сокольник Токтамыш зовёт:
«Сокольников Кутлукья!
Чёрный мой сокол – гордость моя —
Мне подарил двух соколят.
Дай испытаю, как полетят».
Тот вернулся быстро весьма,
На шее – шёлковая тесьма,
Свисают оба конца.

⁴ Бидаяк – худший вид сокола, ржанец.

Трепещут у него в руках
Два одинаковых птенца.
Ни одного Токтамыш не взял,
Посмотрел на них и сказал:
«Эй, Кутлукыя, бий⁵ Кутлукыя!
Если владыкой считаюсь я,
Если я – хан Токтамыш,
Если мой дом – Булгар и Сарай.
Если мой сокол – Тюкли Аяк,
Если за соколом ты следишь, —
Его птенцов мне отдай!»
Склонился пред ханом Кутлукыя,
Снова подал ему птенцов,
Напоминающих близнецов —
Двух одинаковых детей.
И взял их на этот раз Токтамыш,
Посадил их на кончики ногтей.
И хан Токтамыш взметнул одного,
Чтобы сбросить на жаворонка его.
Другого на селезня сбросить хотел.
Но первый птенец не полетел
И второй птенец не полетел.
Крикнул тогда хан Токтамыш,
От гнева задрожав:

⁵ Бий (бек) – старейшина рода, глава удела, правитель, соответствует русскому – «князь».

«Если мой сокол Тюкли Аяк
Завистью стал девяти держав;
Если соколом я прославлен был;
Если к соколу ты приставлен был,
Зачем же ты мне суёшь
С безволосыми лапками птенцов,
С кончиком клюва плоским, тупым,
Зачем мне моих птенцов не даёшь?
Считаешь меня слепым?
Себе возьми этих птенцов.
Их породил бидаяк?»

Кутлукья отвечал так:
«Великий мой хан, владыка мой хан!
Чёрный сокол Тюкли Аяк
Славой стал девяти стран,
Охотничьим соколом твоим.
Но ты вчера стал седым,
Сегодня он стал седым,
Хилым он стал стариком,
И кажутся нам его птенцы
Рождёнными бидаяком.
Рок таков проклятый его,
Но эти соколята – его!»

Встал тогда повелитель страны.

Словно уголья – красны,
Кровью налившись, стали глаза.
Так разразилась его гроза:

«Устроен этот лживый мир,
Оказывается, так:
В Самарканде – Тимир-эмир,
В Белом Сарае сию я.
Сокол мой – Тюкли Аяк.
За соколом ты, Кутлукья,
Приставлен следить всегда.
Но два яйца из гнезда,
Оказывается, вынул ты.
Яйца бидаяка в гнездо,
Оказывается, подкинул ты.
Племя сокола моего
Отдал Тимиру, чтоб сгинул ты!
Держи ответ: отчего
Ханский закон отринул ты?»

Ещё сказал Токтамыш-хан:
«Эй, Кутлука, эй, Кутлука,
Суть твоя грязна и низка,
Чьё это время теперь у нас? —
Токтамыша время сейчас!
Эй, Кутлука, держи ответ.

Много Тимир чеканит монет,
Много чеканит монет золотых, —
Продался ты за одну из них!
Сделал ты две головы из одной,
Сделался двум владыкам слугой,
Держи ответ, Кутлукья!»

Держал ответ Кутлукья:
«Эй, великий мой хан, владыка мой хан!
Если б Тимиру я отдал себя,
Шаху-Тимиру я продал себя,
Сделал бы две головы из одной,
Сделался я бы двум ханам слугой, —
Было б мне суждено пропасть.
Если твоя низвергнется власть,
То несчастлив буду и я.
Ты — мой хан, я — Кутлукья,
Участь твоя — участь моя!»
Неслыханным гневом обуян,
Закричал Токтамыш-хан:
«Эй, Кутлука, эй, Кутлука!
Суть твоя грязна и низка!
Чьё сильно племя? — Племя моё!
Чьё ныне время? — Время — моё!
Взял я в руки держав судьбу!
С алмазной броней на лбу

Молодой двукрылый птенец —
Золотой Чингиза венец —
Разве не на моей голове?
Прародителя славный дом,
Чингиз-хана державный дом
Разве не у моих ног?
Словом неумолимым твёрд,
Данью многоплеменной горд,
Повелитель множества орд, —
Разве я сам – не Чингиз,
Разве не владыка владык?
Разве не владею страной
В шестимесячный путь длиной?
Как же посмел сказать твой язык,
Что моё всевластье уйдёт,
А к тебе несчастье придёт? —
Суть объясни мне твоих речей!»

Не поднимая очей,
Высказать всю правду решив,
Руки сперва на груди сложив,
Ответил Кутлукья:
«Моё дело – сказать, мой хан.
Твоё дело – внимать, мой хан.
Кук-Туба – сердцевина Земли.
Здесь дворец властелина Земли.

В довольстве жил в Сарае народ,
Четверо было здесь ворот.
Приходил из далёких стран
За караваном караван.
Выйти не успевал из ворот
Шумный людской круговорот:
Города окружив лицо,
Двигалось замкнутое кольцо!
Шёл дождь или бури слышался крик, —
Но с ямом⁶ спешил сюда ямщик.
Смело скакал сюда ездок,
Даже если был одинок,
Пищу находил и покой
На широкой дороге ямской.
Скачет — земля спокойна кругом.
Ляжет на отдых — земля, как дом.
Ничто не грозит жизни его.
Счастье, мир — в отчизне его.
Непобедимой была страна,
Неистошимой была казна.
Бедному люду в те времена
Весь доставался доход.
На лугах умножался скот.
Люди в стране теряли счёт
Запасам монетным своим,

⁶ Ям — почта, почтовая служба и почтовые станции.

Богатствам несметным своим.

Что ж видим, приблизившись к нашим дням?

Этих богатств не хватило нам!

Эй, владыка-хан, великий хан!

Править умел бы ты страной,

Мощной владел бы ты казной,

Не терпел бы народ мытарств.

Вспомни: была Золотая Орда,

Белая Большая Орда,

Путём шестидесяти государств, —

Теперь караван не входит сюда,

Верблюды не знают твоих ворот,

В долю купец тебя не берёт,

Монет не находит для тебя.

Не значит ли это, великий хан,

Что власть уходит от тебя?

Скажу, не страшась твоей руки:

Сары-Тау, хребет реки,

Был домом, где обитал мой народ.

Мой народ убавил ты.

Дважды переходить Идиль

Мой народ заставил ты,

И там его не оставил ты:

В бестравные солончаки,

В бурые, глинистые пески
Мой народ отправил ты,
Мой многоглавый город Кум-Кент
Сделал песком⁷, обезглавил ты!
Эй, владыка-хан, великий хан!
У кобылицы два соска:
Если один пропадёт,
Не будет в другом молока.
Вот верблюд двугорбый идёт.
Если горб один пропадёт,
Силы не будет в другом.

Лишил ты мой народ земли,
У него, значит, счастья нет.
К врагу твои птенцы перешли, —
У тебя, значит, власти нет!
Если я на старости лет —
Сделал две головы из одной,
Стал я двум владыкам слугой,
То, значит, справедливости нет,
Правды нет в державе твоей,
Если ты голову можешь отсечь,
Можешь в крови вымазать меч, —
Ханский меч, Токтамыш, приготовь:
Вот моя голова, моя кровь!»

⁷ Игра слов: кум – песок.

Перед ханом, слов не тая,
Пал на колени Кутлукья.
Хан Токтамыш сказал в ответ:
«Гай, татарин ты, гай, татарин ты!
От мангыта рождённый на свет,
Нечистый, нагульный татарин ты!
Вчера твоя жизнь – быль.
Сегодня – пепел, пыль.
Вчерашний бий сегодня умрёт.
Уничтожу я весь твой род!»

«Когда величавый певец,
Согнувшись, вошёл во дворец...»

Двух биев позвал Токтамыш.
С Дюрменом пришёл Чакмагыш.
Сказал Токтамыш-хан:
«Эй, Дюрмен, бий Дюрмен!
Ты возьми свой бердыш⁸,
Кинжал обнажи кривой
Над вражеской головой!
Кутлукыя – лже-бий.
Голову ему отруби!
Была у него жена.
Пери⁹ была она.
Подарила ему дитя,

⁸ Бердыш – старинное оружие, топор на древке с лезвием в виде полумесяца.

⁹ Пери – фея, искусительница.

К своим потом улета.
Найди и убей дитя!
А ты, бий Чакмагыш,
К юрте его поспешишь.
Кресало – имя твоё¹⁰,
Так высеки пламя своё!
Кутлукыя – подлый бий:
Дом его разруби,
Разрубив, сожги в огне!»

Стоявший в стороне
Славный бий Джантимир,
В стране своей – старший пир,
Отец шести сыновей,
Воспитатель ханских детей,
Советчик в ханских делах, —
Старцем уважаемым был,
Мужем почитаемым был.
Нуждались в его словах
Молодые и старики.
Голенища его широки!
Хан его ставил высоко!
С Кутлукыя, в юные дни,
Кровью окрасил он молоко,

¹⁰ Имя «Чакмагыш» (от Чакма) означает «кресало», огниво.

Побратимами стали они¹¹.
Колено пред ханом он преклонил;

– Владыка мой хан, великий мой хан!
Что останется, если земля уйдёт?
Народ без земли останется!
Что останется, если уйдёт народ?
Страна без людей останется!
Что останется, если страна уйдёт?
Матери молоко останется!¹²
А если и молоко пропадёт?
Язык, сосавший белую грудь,
Язык сладкогласный останется!
Язык пропадёт, уйдут слова —
Письмо мудреца останется!
Погибнет мудрая голова,
Но кровь в потомстве останется!
А если потомство погубить,
Всё поколение перебить,
Чужеземец в стране останется!
Судьбою сражённый навсегда,
Потомства лишённый и гнезда,

¹¹ Старинный обычай побратания: решившие побрататься выпускали по каплям свою кровь в чашу молока и пили из неё.

¹² Молоко матери считалось священным. Верили, что даже при падении дома-государства материнское молоко не исчезает и народ не перестаёт быть народом.

Блеющий, как дурной баран,
Хан одинокий останется!

Великий мой хан, владыка мой хан!

Кутлукья – сокольничий твой.

Смилуйся над его головой!

Один из предков его

Врагом-губителем был,

Другой из предков его

Другом-воителем был,

Один из предков был раб,

Другой – правителем был,

А старший дед – Туклас Ходжахмет –

Пиром-святителем был.

В рабстве жил один его дед,

Бием был другой его дед.

Раб ошибётся, бий простит.

Бий ошибётся, хан простит.

Во имя моих старых лет,

Хан мой, прости вероломство его.

А не простишь вероломство его,

Тогда прости потомство его,

Крови ребёнка не проливай,

Смерти ребёнка не предавай!»

Так говорил Джантимир-бий.
Не принял владыка эти слова.
Был гнев его крепок, милость – слаба.
Славен стольный град Сарай,
Восемьдесят улиц там,
Сотни башен взметнулись там,
Выше всех – Алтын Таш¹³,
А за ним – Салкын Таш¹⁴,
Место, на котором казнят, –
Виноват ли, не виноват!

Соизволил хан приказать
Сокольничего связать,
На лобное место привести.
И на закате долгого дня,
Около большого пня
Кутлукыя на колени стал.
Бий Дюрмен секиру достал,
Секира блеснула едва, —
Упала с плеч голова.

Не принял хан Джантимира слова, –
Не думал ему Джантимир уступить.
Понял он сразу, как поступить.

¹³ Алтын Таш – Золотой Камень.

¹⁴ Салкын Таш – Холодный Камень.

Направил путь к юрте своей.
У Джантимира шесть сыновей.
Шестой сын – Кубугыл.
Взял он родное дитя,
В дом Кутлукья поспешил,
Сына в колыбель положил.
Широки голенища его!
Сына бедного Кутлукья
Спрятал у себя в сапоге,
Принёс в своё жилище его.

После него Дюрмен пришёл.
В колыбели дитя нашёл.
Крикнул он в тихом жильё:
«Для чего тебе ходить по земле?
Лучше пусть ходит ханский приказ.
Секира, коснувшаяся отца,
Пусть и тебя коснётся сейчас, —
Пройдёт через шею-волосок!»
Так ребёнка смерти обрёл,
Так был убит Кубугыл.
Пришёл Чакмагыш – дом разрубил,
Сухую траву поджёг.

Ханский приказ по земле не пошёл,
А если даже пошёл, —

Дальше Бога приказ не дошёл.
Окровавившая сердца,
Обезглавившая отца,
Секира, что была тяжела,
Сына убить не смогла,
Ребёнка судьба оберегла.
Вместо него умер другой.
Умер ханский приказ.
Бог невинного спас.
Жизнь его была дорога.
Вынув ребёнка из сапога,
Так сказал Джантимир:
«Вступай без роду, без племени в мир!»
И дал ему имя: Идегей¹⁵.

¹⁵ Имя «Идегей» происходит от слова «сапог».

II. О том, как Идегей рос под именем Кубугыла и стал судьёй

при дворце Токтамыш-хана

У Джантимира шесть сыновей,

Шестой сын – Кубугыл.

В дому Джантимира Идегей

Рос под именем Кубугыл.

Минул один год ему —

Стала разверзаться земля,

По которой он проходил.

Минуло два года ему —

Стала его принимать

Самая почтенная знать.

Стал он словом своим исцелять,

В слове его была благодать.

Минуло три года ему —

Начал он книги читать.

Четыре минуло года ему —

Удивлял он всех своим письмом,

Поражал он всех своим умом,

Прославился на целый свет.

Пять ему исполнилось лет —
Стал он главой семьи своей —
Пяти джантимировых сыновей.
В шесть — он ловким стал ездоком.
В семь — он сделался метким стрелком,
В восемь — силачом знаменитым стал.
В девять-десять — джигитом стал.
Степью шёл — раздвигалась трава,
Возникала степная тропа.
Шёл в горах — поднимался прах,
Впадина возникала в горах.
В одиннадцать лет словотворцем стал,
За бедных людей ратоборцем стал.
Мужем стал он в двенадцать лет,
Во всём народе славен был
И Алпамышу равен был.
И тогда Идегей сказал:

«Мужем я стал, — поддержу народ,
Ибо я для народа — оплот, —
Земли коснулся затылок мой.
Да видит народ от меня добро.
Седой отец меня воспитал, —
Да видит отец от меня добро!»

За табуном следил он в горах,

Был чабаном на сочных лугах.
С ягнятами он степью ходил.
На теле отрепья носил.
Удивлялись его уму,
Воздавали почёт ему.
Безлошадному был он конём.
Заблудившемуся – путём.
Был он жаждущему – питьём.
Был он страждущему – врачом.
Одинокому был он мечом.
Посохом для пешехода он был.
Опорою для народа он был.

В четырнадцать – мудрости был сосуд:
Четырнадцать запутанных тяжб
Разрешил его правый суд.
И тогда хитроумный Кин-Джанбай,
Седой, многодумный Кин-Джанбай,
Шесть изо рта выпускавший письмен¹⁶,
Шесть понимавший чуждых племён, —
Колено, придя, пред ним преклонил!

В пятнадцать лет созвал Идегей
Девяносто сыновей
Девяностоглавой орды.

¹⁶ То есть говоривший на шести языках.

Молвил: «Вступим в борьбу сейчас.
Если я одолею вас, —
Стану я над вами главой.
Одолеет меня один из вас, —
Станет он главой надо мной!

Идегей, сказав так,
Свой простой снял кушак,
Как знамя, над площадью вознёс.
Начал борьбу Идегей.
Девяносто сыновей
Одолеть его не могли,
Всех Идегей одолел.
Побеждённым он повелел
Снять одежды, в кучу сложить,
И речь такую повёл:

«Это – Токтамыш престол.
Я сяду, вы будете мне служить».
И потом сказал Идегей:
«Тот, кто скачет среди травы,
Кажется, – хан Токтамыш.
Не склоните пред ним головы.
Если «салям»¹⁷ не скажет он сам,
Первыми не говорите «салям».

¹⁷ Салям – приветственное слово у татар.

Вот на сивом коне Токтамыш
Показался вдалеке.
Сокол на седельной луке.
А вокруг степная тишь.
Подъехал он к айдале¹⁸.
Увидал, подъезжая, ребят —
Девяносто их, а один
Восседает, как господин.
Он подъехал — они молчат,
Саляма не говорят,
Не склоняют пред ним головы,

Не ложатся среди травы.
Сказал хан Токтамыш:

«Девяносто вы сыновей,
Не найти благородней, знатней,
Но благородство чуждо вам:
Первыми не говорите «салям»,
Не склоняете головы.
Кто из нас старше: я или вы?»
Идегей, слегка вперёд наклонясь,
На правую руку облокотясь,
Токтамышу так отвечал:

¹⁸ Айдала — открытое место в степи; дикое поле.

«Вначале был старше ты.
Мы будем старше потом.
Ты сам убедишься в том.
Девяносто при нас парней.
Если возраст их подсчитать,
Сколько им лет и дней,
Выходит, что старше – мы,
И нет превосходства у тебя,
Да и нет благородства у тебя:
Первым не поклонился нам,
Первым ты не сказал «салям».
Оказался непочтительным ты,
Ай, непочтительным ты!»

Великий хан Токтамыш
Налево один раз взглянул,
Направо один раз взглянул,
Ответа найти не сумел,
Назад коня повернул.
Вступил он в ханский чертог,
Покоя найти не мог.
Лёг в постель – не заснул.
Сна не ведал три ночи он.
Не смыкал свои очи он.
Не выходила из ума
Дума тревожная весьма.

Там, где кончался луг, —
Голо в степи вокруг.
Сидят девяносто парней,
Один другого знатней,
Но превыше всех Идегей,
Ибо умных он был умней,
Ибо честных он был честней,
Говорил о нём так народ:
«Он – прибежище для сирот,
Безлошадному стал он конём,
Заблудившемуся – путём,
Хлебом для голодного стал,
Кровом для безродного стал».
Среди девяноста детей
Был сын Дюрмена Урман.
В душе его жил обман.
С детских лет воровство
Было занятием его,
Он воровал у детей
Игрушечных лошадей.
Трижды крал – не был пойман Урман.
В четвёртый раз был пойман Урман.
Девяносто знатных детей,
Порешив покончить со злом,
Идегею били челом:

«Вора следует наказать!
Соизволь, судья, приказать:
Арканом волосяным
Злодея к скале привязать,
Голову отрубить ему».
Из девяноста своих парней
Приказал Идегей одному
Сделаться палачом.
Был палачом обезглавлен вор.
Стал известен в стране приговор.

Злом наказано зло,
Возмездие быстро пришло:
Бий Дюрмен потерял дитя.
У парней, секирой блестя,
Вырвал он мальчика-палача.
К хану привёл, за собой волоча.
Токтамышу бил он челом:
«Если я сам – бий Дюрмен;
Если мой сын – бий Урман;
Если сына моего
Обезглавил этот злодей, —
Что мне делать с кровью его,
Что мне делать, великий хан?»

Лежавший пред ханом на земле,

Встал и сказал палач-мальчуган:
«В поле вольном, на айдале,
Нас девяносто и один.
Кубугыл – наш господин.
Я выполнял его слова.
Чем же повинна моя голова?»

Позвал Идегея Токтамыш.
Сказал Идегею Токтамыш:
«Эй, Кубугыл, Кубугыл,
Отца хорошего сын!
За жеребятами ты следил,
Степью с ягнятами ты бродил,
Джантимира сын Кубугыл,
Зачем ты сына Дюрмена убил?»

«Великий хан! – сказал Идегей. —
Таков закон в державе твоей:
Если, трёх укравших коней,
В четвёртый раз попадётся вор, —
Повелевает твой приговор
Вору голову отрубить.
Так и я велел поступить.
Пойман Урман в четвёртый раз.
Мой приказ – это твой приказ,
А дальше будет, как повелишь».

С места встав, сказал Токтамыш:
«Эй, Дюрмен, верный мой страж!
Этот юноша, Кубугыл,
Твёрдо, правильно поступил.
Он закон соблюдает наш.
Нам ли судить сурово его?
Слово хана – слово его!
Четырнадцать запутанных тяжб
Он распутал на айдале.
Знаменит он в моей земле.
Девяносто детей поборов,
Стал он у них на челе.
Суд его наказует воров.
Мой закон – основа его.
Мне ли судить сурово его?»

«Размахнулся мечом с плеча...»

Кубугылу сказал Токтамыш:
«Кубугыл! Ты в отрепьях стоишь, —
Отрепья свои сними,
С моими живи людьми,
Останься в моём дворце.
Соболью шубу возьми,
Надень с моего плеча.
Коня в подарок возьми:
Душа его горяча,
Быстрый, пятнисто-чубарый он,
Гордый потомок Тулпара¹⁹ он!
Коня оседлай, сынок,
К седлу привяжи рожок,
Ястреба для охоты возьми!..
Девушку ещё ты возьми:

¹⁹ Тулпар – сказочный крылатый конь.

Стройна и тонкостанна она,
Как выхухоль, благоуханна она,
Как птица, трепещет она,
В девичестве блещет она,
Как месяц – левая щека,
Как солнце – правая щека,
Чёрные очи её светлы,
А зовут её Айтулы,
Красою славится она.
Тебе понравится она —
Справим свадьбу, устроим пир, —
Будет вам завидовать мир!
Крым тягаться с нами начнёт —
Пусть нас рассудит твой приговор.
Крым сражаться с нами начнёт —
Крымскому войску дай отпор!»

Так отвечал Идегей:
«Есть конь у тебя? Буду пасти!
Огонь у тебя? Буду блюсти!

Доброму – добрый, злому – злой,
Остаюсь я твоим слугой».

Став слугою с этой поры,
Принял он Токтамыша дары:

Обновился его удел.
Он соболью шубу надел,
Чтобы красовалась на нём.

Знатный всадник, теперь он владел
Пегим²⁰ в яблоках скакуном.
Для ударов дал ему хан
Кожей обтянутый барабан.
Возведённый в придворный сан,
Зоркого кречета взял Идегей.
Для любви, для улады своей,
Благоухавшую, как тимьян,
В жёны взял он Айтулы,
Ту, чьи очи были светлы,
Ту, чья кожа – упруга, нежна,
Рождена в Булгаре она.
Как месяц – левая щека,
Как солнце – правая щека!
Если шли из Крыма войска,
Уничтожал их Идегей,
Если распря шла у границ,
Повергал он недругов ниц.

Стал служить Идегей земле.
Честно судил и правил он.

²⁰ Пегий – пёстрый, имеющий неоднородную окраску.

От поборов и войн, и тяжб
Свой народ избавил он.
Землю свою успокоил он,
Казну Токтамыша утроил он:
Было в ней озеро серебра,
Золота поднималась гора.
Благоденствовал народ:
Ел он мясо и пил он мёд.
Приходил из далёких стран
За караваном караван.
Выйти не успевал из ворот
Шумный, людской круговорот.
Шли верблюды, – за выюком выюк,
Образуя замкнутый круг.

В те дни, когда муж Идегей
Праведные творил дела,
Жена Токтамыша Джанике
Двух девочек-близнецов родила.
Луноподобная старшая дочь
Была названа Ханеке.
Солнцеподобная младшая дочь
Была названа Кюнеке.
Так на свет появились они.
Из пелёнок вышел в те дни
Сын Токтамыша Кадыр-Бирди.

Созвал Токтамыш высоких лиц,
Зарезал яловых кобылиц,
Устроил пир для знатных гостей,
Открыл казну для бедных людей,
Игрища, скачки устроил он,
И душу на том успокоил он.

Месяц померк – солнце зажглось,
От Идегея у Айтулы
Милое дитя родилось –
Мальчик с голову коня.
Дождавшись желанного дня,
Созвал Идегей всю чёрную кость,
Рабом Токтамыша был каждый гость,
Сказал: «Родился желанный сын,
Назовём его Нурадын»²¹.
Сына повелел Идегей
В пелёнки из камки обернуть,
Но решив, что эта камка
Чересчур для ребёнка жестка,
Сына повелел Идегей
В пелёнки из парчи обернуть,
Но решив, что жестка и парча,
Повелел своего малыша
В куний мех Идегей обернуть.

²¹ Имя «Нурадын» означает «Светлая весть».

Чтобы отвагой наполнилась грудь,
Начал он сына на битву брать,
Чтобы преследовал вражью рать.
Чтоб видел сын, чтоб воин был!
На том Идегей успокоен был.

III. О том, как Токтамыш повелел своим биям испытать, кто такой в действительности Кубугыл

Джанике в одну из ночей
Токтамышу сказала так:
«Супруг мой, свет моих очей,
Погляди-ка, мой хан, погляди!
Табунщик вчерашний твой,
Вчерашний овчар, а теперь
Советник всегдашний твой,
Словно он бий иль мурза,
Что делает Кубугыл,
Погляди-ка во все глаза!
Родился сын у него,
Праздник устроил он,
Как ты, властелин орды,
Когда у тебя, мой хан,
Родился Кадыр-Бирди,
Когда я родила от тебя
Двух девочек-близнецов.
С ханским отпрыском Кубугыл
Своего ребёнка сравнил!

Оглянись, мой хан, оглянись!
Завещал тебе знамя Чингиз,
Это знамя в руке у него!
Он сидит, не страшась никого,
Будто он – державы глава.
И щетинится голова!

Погляди-ка, мой хан, мой супруг,
Как он судит в твоей стране,
Как стоят твои сорок слуг,
Натянувшись, подобно струне,
Как он входит сюда, погляди, —
До начала суда погляди!»

Хан-Сарай, исполненный благ,
Открывается поутру,
А над ним черноцветный стяг
Развевается на ветру.
На престол властелин взошёл.
Попугай, украшая престол,
Заговаривает вслух.
Появляются сорок слуг,
Наклоняются до земли,
Выпрямляясь, подобно струне.

Сорок первым, от них в стороне,

Появляется Идегей.
Исполина встречая того,
Поднимается с места хан,
Сам не замечая того,
Ай, поднимается с места хан!
Видала это и раньше Джанике.
Сказала супруга-ханша Джанике:
«Овчар вчерашний твой,
Пастух вчерашний твой,
Ставший бием теперь
Советник всегдашний твой,
Твой судья Кубугыл, поверь,
Оказался твёрже, чем клён!
Воля, которой он наделён,
Твёрже воли твоей!
Известней он в мире, чем ты!
Станом он шире, чем ты!
Мыслью – быстрее, чем ты!
Сердцем – храбрее, чем ты!
Память, видно, твоя слаба.
Забыв о рабьей породе его,
Вскочив, себя превратив в раба,
Ты с места встаёшь при входе его,
Ай, с места встаёшь при входе его!»

Сказал, обидевшись, Токтамыш:

«Не разжигай ты сердце моё
Речью горючей, жена!
Не растравляй ты сердце моё,
Не лги, не мучай, жена!

Пастух вчерашний мой,
Овчар вчерашний мой,
Кубугыл, который теперь –
Советник всегдашний мой, –
Не будет он твёрже, чем клён!
А будет он твёрже, чем клён, –
Воля, которой он наделён,
Не будет твёрже воли моей.
Щетинится его голова,
Но я, а не он – державы глава!
Не будет он станом, как я, широк!
А будет он станом, как я, широк, –
Не будет он саном, как я, высок,
Я – венценосный властелин!
Не будет раб равен мне,
Мне, чьим предком был Тимучин!
Мыслью я быстрее, чем он,
Сердцем я храбрее, чем он,
Шире, чем он, станом я,
Ибо рождён ханом я!
При входе его не поднимусь,

Не то опозорюсь повсюду я, —
Токтамышем не буду я!»

Хан-Сарай, исполненный благ,
Открывается поутру.
А над ним черноцветный стяг
Развевается на ветру.
И хан Токтамыш взошёл
На золотой престол, —
Приколола к престолу Джанике
Иголками ханский подол!

У Токтамыша — страна под пятой,
А над ним — попугай золотой
Разговаривает вслух.
Сорок знатных высоких слуг
Входят, кланяясь до земли,
Выпрямляясь, подобно струне.
Сорок первым, от них — в стороне,
Появляется Идегей.
Мужа встречая того,
Сам не замечая того,
С места вскочил Токтамыш,
Отодвигая престол!
Лопнул проклятый подол.
Иголок пронзительный треск,

Подкладки разорванной блеск
Сделали большим позор.
Потупил он ханский взор.
Он понял свою вину.
Он понял свою жену.
Обида пронзила его насквозь.
Он лёг на постель – ему не спалось.
Три ночи не мог он заснуть,
И очи не мог он сомкнуть.
Ласкаясь к нему, Джанике
Сказала в четвёртую ночь:

«Гони уныние прочь,
Расстанься с тревогой ты
И рану не трогай ты.
Если воля его твёрже твоей,
Мы сделаем волю слабей.
Если сердце храбрей твоего —

Уничтожим отвагу его.
Снова к нам Кубугыл придёт,
Подадим ему сладкий мёд.
Мы в нём тоже усладу найдём:
В медовину мы яду нальём.
Друг он, враг ли – сразу поймёшь.
Если он, обнажив свой нож,

Взметнёт его вверх остриём,
Прежде чем выпить мёд, —
Окажется он врагом.
Взметнёт его вверх черенком, —
Мы другом его назовём.
Не горюй, мой хан, соверши
Испытанье его души,
Мне печали свои доверь».

В Хан-Сарае – белая дверь.
Справа – страж Ангысын,
Слева – страж Тангысын.
Хану были рабами они,
Идегею – руками они,
Идегею вручили сердца.
Узнавал от них Идегей
Каждую новость дворца.
В Хан-Сарае стало светло.
Хан-властелин сел на престол.
Составляя одно число,
Идегей сорок первым вошёл.
Он вошёл, «салям» произнёс.
Улыбаясь, хан Токтамыш
Чашу с мёдом ему преподнёс:
Чем-то приправленный мёд,
Жёлтый, отравленный мёд!

Ангысын Тангысыну мигнул,
Тангысын Ангысына толкнул,
Голову со значеньем пригнул,
Идегей загадку смекнул.
Нож обнажил и так сказал:
«С золотой рукояткою нож!
В медовину сладкую, нож,
Ты войдёшь у всех на виду.
Если есть отрава в меду,
Всю отраву себе возьмёшь!»
Так сказав, Идегей обнажил
Свой алмазный, свой острый нож,
В жёлтый мёд его погрузил.
На четыре части ножом
Он тягучий мёд разделил,
Размешал в середине потом
И, вынув, ханше сказал:
«Сито твоё красиво, пестро,
Дурно пахнет твоё ведро».
Так сказав, Идегей ушёл.
Плача, ворот порвав на себе,
Ханша упала на престол.
Сказала: «Понял, владыка мой,
Супруг мой, хан великий мой,
То, что сделал сейчас Кубугыл?

Он и тебя, и меня оскорбил!
Если он вверх взмахнул остриём, –
Он оказался нашим врагом.
Разделил на четыре части мёд.
Кто его замысла не поймёт?
Четыре части – ты понял, мой хан? –
Иртыш, Яик, Идиль, Чулман,
На четыре части разрежет край.

Мёд размешал в середине он.
Ясно тебе ли? Отныне он
Возмутит Булгар и Сарай...
Сито, сказал он, и ведро.
Скрытно сказал он и хитро:
К ведру приравнял твою младшую дочь,
А ситом назвал твою старшую дочь.
«Если, мол, сын мой будет не прочь,
Если ровней сочтёт их жених,
Он в жёны возьмёт одну из них...
Ай, в жёны возьмёт одну из них!»

Ответил хан Токтамыш:
«Смутное сердце моё
Смущать не надо, жена!
В чистое сердце моё
Не лей ты яда, жена!

Другом был мне всегда Джантимир,
Были меж нас любовь и мир,
Мудрым, добрым он был стариком.
От него родившийся Кубугыл
Тоже не будет мне врагом.
Судья и воин Кубугыл,
Хвалы достоин Кубугыл,
Он тягаться не станет со мной,
На меня не нагрянет войной.
Пусть он духом твёрже, чем я, —
Он мне служит, зла не тая».
И ещё сказал Токтамыш:
«Не придёт от него беда.
То, что ты сейчас говоришь,
Не случится никогда,
Ай, не случится никогда!»

Сказала ханша Джанике:
«Если не враг тебе Кубугыл,
Если он мести не затаил,
Если не знаешь ты цены
Верным словам своей жены, —
Сзови ты своей страны
Девять самых мудрых мужей.
Празднество большое устрой,
Испытать прикажи поскорей:

Кто же он, кто он такой,
Тот, кто везде Кубугылом слывёт,
За Кубугыла себя выдаёт,
Ай, кто он, кто он такой?»

Тут великий хан Токтамыш
В смятение пришёл.
Ответа не нашёл.
Обернулся хан Токтамыш —
Совета не нашёл.
Девять созвал он певцов,
Девять созвал мудрецов,
Одного привести приказал
И слова такие сказал:
«Худай-бирде, мой батыр!
Если тебя по плечу
Ударить я захочу,
Знаю – не сядешь ты.
Одежду с плеча моего
Носить не станешь ты.
Стихи, батыр мой, сложи,
В стихи всю правду вложи».
Слово Худай-бирде сказал.
Не понравилось оно.
«Выйди!» – хан ему приказал.

«Акбалтыра сын – мой Уак
И Мунджира сын – мой Чуак,
С красными огоньками в глазах,
Посеребренные в жарких боях,
Волки, врагам внушавшие страх!
Пили их кровь не однажды вы
И всё ж умирали от жажды вы!
Скажите стихи, оба войдя!»
Два седоголовых вождя
Руки сложили сперва,
Звонко сложили слова.
Но хан прогнал и этих двух:
Не утешили ханский слух.

«Избранный среди людей,
Аргамак²² среди лошадей,
Беркут среди дальнозорких птиц,
Охранитель наших границ,
Мечом исфаганским²³ украшен ты,
Врагам многочисленным страшен ты.
Ты против них, как буря, стоял,
Как туман, ты, брови нахмурия, стоял!
Мой батыр Кара Куджа,
Войди в мой дом, стихи скажи!»

²² Аргамак – верховая лошадь восточной породы.

²³ Исфаганский меч – меч, изготовленный в иранском городе Исфахане.

Но слово Кара Куджи
Хану не пришлось по душе.
«Выйди!» – он приказал Кудже.

Измучился хан Токтамыш,
Всю душу свою истерзал.

Озираясь, он так сказал:
«Кого только на сборище нет?
Но песни до сих пор ещё нет!
За какие наказан я грехи?
В день, когда беспомощен я,
Некому сказать стихи!»

Дом нугаев в смятение пришёл,
Никто ответа не нашёл,
Никто совета не нашёл,
Хану стихами сказать не сумел,
Подойти к нему не посмел,
Ханский гнев стоял в ушах.
«Мы не знаем, – все говорят», —
Простите нас, падишах!»

И тогда воззвал Токтамыш:
«Найдёшь дорогу вслепую ты,
Откроешь тайну любую ты.

Трепещет саз у тебя в руке,
Играет стих на его языке.
Рыдает саз в печальный час,
В хороший час смеётся саз.
Сын Туктара, батыр Тугач,
Звонкого дара сейчас не прячь,
Стихами правду мне скажи,
Своё искусство покажи!»
Руки Тугач сложил сперва,
Эти потом сложил слова:
«Дума необычайна твоя,
Недоступна мне тайна твоя.
Мысли твоей не достигну я,

Речи твоей не постигну я.
Но теперь стоит у ханских врат
Девяти батыров старший брат,
Бий Кыпчак, твой надёжный оплот.
Он один твою думу поймёт».

«Здравствуй, Идиль, Отчизна – Дом!»

Воззвал тогда хан Токтамыш;
«Чужим словам не внимаешь ты.
Брони вовек не снимаешь ты,
Не считаешься с ханским приказом ты,
Лишь на свой надеешься разум ты!
Бий Кыпчак, войди в мой дом,
Слушай, что тебе я скажу.
На каждом боку твоём по ножу.
Ростом в лиственницу твой конь.
Панцирь твой, батыр-исполин,
Из тысячи железных пластин.
Длина копья – двадцать аршин.
Юрта твоя – из пологов двух,
Речью чужой не тешишь ты слух,
Без разумения не войдёшь
В край, в котором живёт чужак.

Сын Мютана бий Кыпчак,
Стихами правду скажи,
В стихи всю правду вложи».

Кланяясь низко, вошёл Кыпчак.
Он вошёл, колено преклонил,
Под колено шапку подложил,
В руки взял медовину он,
Отведал её половину он,
Начал было стихи говорить.
Но сын Камала Кин-Джанбай
Сразу дело смекнул,
Кыпчаку он намекнул:
Отойди, мол, назад, —
Чтобы не говорил невпопад.

Сказал тогда Токтамыш-хан:
«Сорок верблюдов везут с трудом
На себе твой мощный колчан.
Сын Камала, войди в мой дом.
Ростом ты выше райских слуг.
Много пред ханом имеешь заслуг.
Шесть изо рта выпускаешь письмен.
Шесть понимаешь чуждых племён.
Здесь раздавались других голоса.

Ты, Кин-Джанбай, в моём бурдюке²⁴ —
Капля последняя кумыса.
Вот и последний дай мне совет,
Кин-Джанбай, очей моих свет,
Если плохо Кыпчак говорил,
Сам скажи мне стихами тогда:
Кто он, кто такой Кубугыл?!»

Кин-Джанбай тогда сказал:
«Великий мой хан, владыка мой хан!
Ты в эту тайну проникнуть не мог,
И я эту тайну постигнуть не мог,
И я этой цели достигнуть не мог!
Тайна эта – как трудный сон.
Не понять нугаям его,
Здесь мы не разгадаем его.

На берегах шести рек
Пребывает один человек.
Прозывается он Субра.
Лицо пожелтело, как у бобра.
Голова, как выдра, седа.
Лёгок меч его, как вода,
Прочности нет в его зубах,
Ноги одеревенели его,

²⁴ Бурдюк – сосуд, кожаный сосуд для квашения кумыса.

Скоро отвезёт его прах
Конь на деревянных ногах²⁵.
Сто девяносто пять лет
Он глядит на суетный свет.
Семьдесят семь обошёл он краев,
Убивал леопардов и львов.
Этот в шубе красивый мудрец,
Этот в куньей шапке певец
Знает, кто такой Кубугыл.
Не знает он – не знает никто!»

Так батыр Кин-Джанбай сказал.
Вызвать певца хан приказал.
Услыхав Токтамыша приказ,
Ханский гонец Баймурат тотчас
Шапку надел, затянул кушак,
Хвост коня скрутил узлом,
Поскакал к Шестиречью верхом.
За шесть дней резвый скакун
Прискакал, убыстрив бег,
К берегам шести рек.
Увидал гонец певца,
Удивился осанке его,

Но был он похож на мертвеца:

²⁵ Конь на деревянных ногах – носилки для покойника.

Двигутся, мнилось, останки его!
Расшатались зубы его.
Не держались губы его.
Щеку, готовую упасть,
Подвязал он белым платком!
Таким он древним был стариком,
Что на коня не мог он сесть,
Если сядет – не сможет слезть.
И тогда гонец Баймурат
Без певца вернулся назад.
Токтамышу сказал Кин-Джанбай:
«Из далёкой стоянки мудрец,
С величавой осанкой певец
На коня верхом не может сесть,
А если сядет – не сможет слезть.
Владыка мой, ласку окажи,
В золотую коляску прикажи
Шесть коней вороных запрячь.
Цветами осыпать прикажи,
Оглобли украсить прикажи,
Пуховики положить вокруг
И посади двух своих слуг.
Отказаться сумеет ли тогда,
Не приехать посмеет ли тогда?»

Токтамыш эту ласку оказал.

В золотую коляску приказал
Шесть коней вороных запрячь.
Цветами осыпать велел,
Оглобли украсить велел,
Пуховики положить вокруг
И посадить двух своих слуг.

Шестиречья видны берега.
Входит с речью один слуга:
«В шубе красивой мудрец,
В куньей шапке певец!
Осанка величава твоя,
Не тускнеет слава твоя.
Сто девяносто пять лет
Ты глядишь на суетный свет.
Почестей достойный старик,
Ты в грядущее взором проник.
Мой повелитель Токтамыш
Приглашает тебя в свой дом.
Если ты в доме его погостишь,
Что же ты потеряешь на том?
Если ты дело его разрешишь,
Что же ты потеряешь на том?»

Исполнили слуги свой долг.
Опоясав певца кушаком,

Подвязав ему щёки платком,
Рот закутали в белый шёлк,
Чтобы голос певца не замолк.
Соком цветка намазав глаза,
Чтобы глаза не затмила слеза,
На руку положили алмаз —
Таков был ханский приказ.
В коляску старика посадив,
Клятву приняв, что будет правдив,
Рядом поставили костыли,
Старца к владыке повезли.

IV. О том, как Токтамыш-хан, выслушав песенное прорицание Субры, испытывал Идегея

Когда величавый певец,
Согнувшись, вошёл во дворец,
Великий хан Токтамыш
С почётом принял его.
Устроил он торжество.
Приглашение разослал
Старикам мудрейшим он.
Вызвать велел и старейшин он, —
Тех, что были мудры,
Повелел на Кук-Тубе
Белые поставить шатры.
Был окружён мурзами он.

Суровыми глазами он
Собрание оглядел.
Сказал: «Для высоких дел
Вас, мудрейших в стране,
Я сейчас пригласил,
Чтобы вы поведали мне:
Хорош или плох Кубугыл?»

Быстро внесли в кадке мёд,
Бражный, хмельной, сладкий мёд.
Кравчим назначен был Идегей.
Он поднёс чашу певцу.
Опрокинул чашу Субра,
Пламя разлилось по лицу.
Голосом, сделанным из серебра,
Молвил величавый Субра:

«Если помчится конь, торопясь,
Выйдет пот из бегунца.
Выйдет из белого хлопка – бязь.
Выйдет слово от мудреца.
Я же гляжу на суетный свет
Сто девяносто пять лет.
Расшатались, исчезнуть спеша,
Кости, зубы мои и душа.
Чтоб не упала, в белый шёлк
Завязана моя щека.
Из такого, как я, старика,
Какой же может выйти толк,
Ай, какой же может выйти толк?

Я спел бы, да стал язык мой сух.
Я спел бы, но петь отвык мой дух.

Влаги в сухой траве не найти.
Жи́ра не сы́щешь в сухой кости.
У выживших из ума стариков
Не бывает слуха достойных слов.
Хан их в уши свои не возьмёт,
А хан возьмёт – не возьмёт народ.
А если хан с дороги свернёт,
По которой пошёл народ,
Хан пропадёт, попадёт в тупик...
Я уже слышу сердитый шум:
– Ай, какой многословный старик!
Всё говорит, что взбредёт на ум!

Милость явите вашу мне!
Поднесите-ка чашу мне,
Да не расплёскивая мёд...
Лейся, поблёскивая, мёд,
Обожги ты грудь мою,
Откашляюсь и запою:

Послушай, хан Токтамыш, меня!
Если конём наградишь меня,
Дай ты мне молодого коня,
Чтобы не потело седло.
Если птицу дашь для взлёта мне, —
Ястреба дай для охоты мне,

Чтоб торока набивал тяжело.
Шубу мне дашь – да будет черна,
Чтобы не полиняла она,
Пока не износится мех.
Девушку дашь для поздней любви —
Из красавиц её призови,
Чтобы сладок был её смех,
Чтоб, когда она станет вдовой,
Взял её в жены муж другой.
Если мне дашь скотину в хомут, —

Да будет – холощёный верблюд,
Чтоб тысячи выюков перевёз.
Дашь кобылицу для молока —
Пусть молоко не сякнет, пока
Нашу траву не тронет мороз.
Милость проявите ко мне.
Чашу поднесите-ка мне,
Да не расплёскивая мёд.
Лейся, поблёскивая, мёд!
На Идиль-реке, говорят,
Было властителей пятьдесят.
Был и на Яике хан —
Меньшой среди больших,
Большой среди меньших.
Много лет гляжу я на свет.

Ханом был старый твой дед.
Поборов он брал меньше, чем ты,
Наград раздавал больше, чем ты.
Говорят, говорят: «Слова скажи».
Говорят, говорят: «Стихи сложи».
Но что вам скажу, что вам сложу,
Но что же вам в усладу пойдёт
И что же мне в награду пойдёт?»

Хан Токтамыш тогда сказал:
«Дам я шубу соболью тебе.
Ястреба с колокольчиком дам.
Чтобы скакать по раздолью тебе,
Я тебя награжу конём.
Будешь без плети ездить на нём.
Запечатлён его бег на земле.
Я тебе красавицу дам, —
Не видал такой вовек на земле, —

Моей Ханеке нежней,
Моей Кюнеке милей.
Справа можешь сажать её²⁶,
Павой наряжать её
И на славу ласкать её,
Если, певец, ты скажешь сперва

²⁶ Обычай: справа сажают самого близкого человека.

О сегодняшнем кравчем слова.
Муж Кубугыл перед тобой.
Что он за муж? Кто он такой?»

С этим хан Токтамыш певца
В шубу бобровую облачил,
Чашу с мёдом ему вручил.
Чашу взяв, не пригубил певец,
Оглядел он ханский дворец.
Двух батыров глаза нашли.
Подал знак, чтоб к нему подошли
Идегей и Кин-Джанбай.
Спросил Кин Джанбая певец,
Сказал, вопрошая, певец:

«Жил-был когда-то хан Тунику.
Много свершил на своём веку.
Кто был ему друг – того любил.
Кто был ему враг – того губил.
Старший из младших владык,
Младший из старших владык
Необозримой земли
Покорство ему принесли.
Когда не смолкали о нём слова,
Когда он сделал набег на Китай,

Старший везир его, Кулатай,
Татского рода глава,
Бесприютного мальчика нашёл,
По степи на коне летя.
Усыновил он это дитя.
Когда приёмыш мужем стал,
Когда владеть оружием стал,
Поднял он весь татский род,
На Тунику пошёл в поход
И прогнал его, когда победил,
Кулатая на престол посадил.
Ханом сделался Кулатай —
И голову отрубил ему,
Ребёнку, что вырос в его дому,
И Тунику её преподнёс,
Хану вернул престол везирь²⁷.
Слушай меня, старший батыр!
Я задаю тебе вопрос:
Кто правильнее поступил —
Приёмыш или Кулатай?»

Так отвечал Кин-Джанбай:
«Старший в державе Субра-отец!
В дряхлой оправе Субра-мудрец!
Сто девяносто пять лет

²⁷ Везирь – государственный советник, главный министр.

Ты глядишь на суетный свет.
Что я тебе скажу в ответ?
Перед тобой – бессилён я,
Перед тобой – филин я!
Я скажу, что муж Кулатай
Правильно поступил:

Приёмыша он убил,
Законному хану власть вернул».
Тогда на Идегея взглянул
И сказал величавый певец:
«Я не знаю, кто твой отец,
Но ты, не достигший тридцати,
Прославленных сумел превзойти.
Отвечай же мне, Кубугыл:
Кто из них правильной поступил?»
Тут Идегей сказал:
«Старший в державе Субра-отец!
В дряхлой оправе Субра-мудрец!
Много видя, блеснул ты, старик.
Многое зная, сказал твой язык.
Зачем же от мира скрываешь ты
Имя приёмыша-сироты?
Этого не простит тебе мир!
Тимертау звался батыр.
Младший из старших владык,

Старший из младших владык
Унянь – восьмиханной земли
Тунику покорство несли.
Возвысился Тунику до небес,
Китай покорил он, страну чудес,
Стал косо смотреть на свой народ,
Который вознёс его до высот.
Рабством стал бессильных удел,
Сильный рабами завладел,
Край родной стал беден и слаб:
Народ нищает, когда он – раб.
Тунику не держал в уме,
Что народ страдает в ярме.

Но Тимертау-сирота
В каждые входил ворота,
В каждый город, в каждый шатёр
Он сиротские взоры простёр.
Услышал народное горе он.
Бессильных поднял вскоре он.
Он для рабов – дорогой стал.
Для хана – карой строгой стал.
Выгнал он хана Тунику.
Честь и слава за то смельчаку,
Правильно он поступил!
А Кулатай изменил свой цвет,

Он коварным ящером был,
Обезглавил народа слугу!..
Таков, Субра-отец, мой ответ,
А больше сказать не могу».

На Идегея Субра седой
Испытующе взглянул,
Серебряной головой
Одобрительно кивнул
И сказал такие слова.

«И молодая голова
Бывает богата умом.
Можно и в молодой кости
Жирный мозг обрести!»

Древен и величав, и красив,
Поднял чашу с мёдом Субра,
Идегея и Джанбая спросив:
«Эй, из ханской кадки мёд,
Бражный, жёлтый, сладкий мёд!
Батыры, кто будет пить?»
Задумался Кин-Джанбай,
Не зная, как поступить.
Идегей мигом дело решил:
Всю чашу до дна осушил!

«Хан Токтамыш увидел сон.
Он проснулся, сном потрясён...»

Весело воскликнул Субра, —
Старый прорицатель-мудрец:
«Вот он, истинный молодец,
Вот он, оказывается, батыр!
Ты, оказывается, – батыр!
Скажи, подумай, я подожду:
Захочешь выказать хану вражду,
Как ты покажешь её?
Сослужить захочешь службу ему,
Проявить захочешь дружбу к нему, —
Как ты проявишь её?»
Идегей, подумав, сказал:
«Дружбу выявить захочу —
На чубарого я вскочу,
На враждебную рать полечу

И враждебную рать растопчу,
И добычу я захвачу,
Дань богатую получу,
Хану её поспешу отдать,
Буду хану во всём угождать.
Если вражду проявить захочу,
Я на чубарого бодро вскочу.
Ястребом на дворец налечу,
Ястребом хана в когти схвачу,
За народ ему заплачу:
Голову ему откручу,
Голову его превращу
В разодранную овцу.
Шапку сделаю из неё, –
Шапка будет мне к лицу.
Отниму у хана казну,
И народу её верну.
Если же слова я не сдержу,
Пусть буду я в прах поверженный сын.
Пусть я прозвание заслужу:
«Отца своего отверженный сын!»

Обоих батыров испытав,
Величавый Субра сказал:
«Эй, владыка-хан, владыка владык!
Ты мне почёт оказал,

Стихи сложить приказал, –
Но мой не ворочается язык.
Но пусть не ворочается язык,
Попробую, песню спою,
Особую песню свою,
И будет запев мой прост.
Два сокола у тебя,
Но птицы – из разных гнёзд.
Два воина у тебя,
Два мужа – из разных гнёзд.
Старший воин – перед тобой.
Старший воин с отвислой губой,
Старший воин с выпуклым лбом
Неустрашимым выглядит львом.
Мастер он говорить красно,
Счастье слова ему дано,
Даже старцами уважаем он,
Прозывается Кин Джанбаем он!

Младший воин пред ханом стоит.
Вот он, с волчьим станом стоит!
Ноги крепкие у него,
Руки цепкие у него,
Он – татарин, видать по всему,
Ай, татарин, видать по всему!
Речи звонкие у него,

Губы тонкие у него, –
Красноречив, видать по всему!
Сияют, как месяц, волоса,
Пальцы – как медь, как звёзды – глаза,
Статен, красив, видать по всему!
Длинная шея, широкая грудь,
Сделаны руки, чтоб лук натянуть, –
Меток в стрельбе, видать по всему,
Грозен в борьбе, видать по всему!»

Так сказал престарелый Субра,
Голосом, сделанным из серебра,
Стихов слагатель запел,
Седой прорицатель запел:
«Я – твой старик, я – твой старик,
Дряхлый годами старик.
Слабый глазами старик.
Много на светел видел я.
Чего только не видел я!
В древности правил хан Башлык,
Я – знавший его старик.
Потом пришёл Абыл-хан,
Потом пришёл Кара-хан,
Потом пришёл Ала-хан,
Я – живший при них старик.

Ты на один шесток
Сразу двоих усадил.
Дальний предок твой – Тумабыл,
Я – знавший его старик.
Не выпускавший из рук
Двенадцатипядевый лук,
Чингиз величья достиг,
Я – знавший его старик.
Многие за ним пришли,
В свой черёд за ним ушли,
Не заставляя нас горевать.
Стоит ли всех называть?
Я – всех выдавший старик.
Был Яучи одним из владык,
Я – выдавший его старик.
Хан Байду, Саин-хан,
Берке, что мчался, как ураган,
Тот, кто мечом побеждать привык,
Я – всех выдавший старик!
Жил Узбек в прошедшие времена.
Золотыми были его стремяна.
Я – выдавший его старик.
Владел Асылбек золотой уздой,
У Тинибекка – чепрак золотой,
Я – обоих выдавший старик.
Золотым оружием владел Джанибек,

А после него сидел Бирдибек,
Я – обоих знавший старик!
Жил я, предкам твоим служа,
Их имена – Туктуга, Туйгуджа,
Я – обоих знавший старик!
Тридцать и девять ханов я знал,
Беков я знал, султанов я знал,
Я подданным быть привык.

Эй, Токтамыш, Токтамыш!
Разве не ты вчера
Бегал, босоногий малыш,
Опалённой степной травой
С непокрытою головой?
А теперь ты ханом сидишь,
На меня сурово глядишь.

Напрасно злобы не трать.
Убьёшь? Но что мне терять?
Загробный дом я найду,
Из дома в дом перейду.
Если ж мой смертный час не пробил,
Если забыл обо мне Азраил²⁸,
Не вгонит в трепет меня, —
Крючком не зацепит меня, —

²⁸ Азраил – ангел смерти.

Разве ты мне сказать запретишь:
«Некогда жил хан Токтамыш.
Я – переживший его старик,
Ай, переживший его старик!»

Если б ты знал, как древен мир!
Жил на Уняни Кук-батыр.
Самый сильный из десяти,
Равных ему нигде не найти.
Радуга есть меж небесных дуг,
Равен радуге был его лук.
Прозван Небесным Богатырём,
В синий целился окоём,
В небо стрелял батыр иногда —
Падала на стреле звезда.
Воистину Кук-батыр велик:
Я – знавший его старик.

О пяти батырах скажу,
Живших на Инджу и Банджу²⁹.
Тау-батыр был их главой,
Палицей владел он такой:
Весом в пять батманов была,
Ужасом для ханов была!
Сабля его – в сто пядей длинной,

²⁹ Инджу и Банджу – реки Аму-Дарья и Сыр-Дарья.

Гору он саблей разрушал.
Целое войско уничтожал,
Прозванный Горным Богатырём.
Я – старик, живший при нём!

Ты послушай такую быль:
Там, где Яик, там, где Идиль, –
Было батыра четыре там.
О лучшем твердили батыре там:
Ярко в лазури щитом блистал,
Ядра гяуров³⁰ песком считал,
Пушкам в глаза не боялся взглянуть,
Не пробивало ядро ему грудь!
«Непробиваемый ядром», —
Такого имени он достиг.
Я – выдавший его старик!

Многих я властелинов знал,
Многих я исполинов знал.
Сто девяносто пять лет
Я гляжу на суетный свет,
Многих батыров я пережил,
Многих я пережил владык,
Но такого, как муж Кубугыл,
Я – никогда не выдавший старик!

³⁰ Гяур – неверный, немусульманин.

Если взгляну я на брови его, —
Выведены каламом³¹ они!
Если взгляну я на очи его, —
Ясному небу они сродни!
Если на лик его я взгляну, —
Из гнева явился он!
Если на стан его я взгляну —
Из света родился он!

С лошадиным загривком смельчак,
Посмотри, как широк он в плечах,
Посмотри, как ростом высок!
Выберет иву батыр удалой,
Ту, что воткнута в песок,
Выберет верёвку с петлёй, —
Твоих быstroногих коней угон,
Скоро совершит Кубугыл.
Среди твоих многих земель-племён
Знамя водрузит Кубугыл.
Из коней саврасых твоих
Выберет мощного скакуна,
Выберет двух запасных гнедых.
У нугаев сохранена
Удивительная страна.

³¹ Калам – тростниковое перо.

Волка безродного зов,
Барса голодного рёв, —
Голос будет таков,
Который стране подаст Кубугыл?
По широкой равнине степной
В сорокадневный путь шириной
Арык проведёт Кубугыл!
Берега Идиля красны, —
Сделает кувшины он,
Сделает из глины он!
К ним приблизит, отвагой дыша,
Кара Тун – исток Иртыша.
У тебя Кубугыл отберёт
Бражный, хмельной жёлтый мёд
И с воинами разопьёт.
Чтоб насытить огромную рать,
Стада повелит у тебя забрать,
Зарежет всех твоих овец,
Котлы повесит этот храбрец,
И костёр разведёт Кубугыл!

Из чистого золота твой дворец.
Двери – из чистого серебра.
Настанет такая пора.
Настанет, поверь, такой день.
Ударит в дверь железный кистень.

Кубугыла широкая тень
Ляжет на стены дворца.
Свой гнев на тебя обрушит он.
Дворец золотой разрушит он.
В пепел он дверь его превратит,
В топливо дерево превратит,
Золота жёлтый избыток твой,
Золота каждый слиток твой
Отберёт, отберёт Кубугыл.
По ложке ты собирал серебро,
Копил по крохотной ложке добро,
Ковшами его разольёт Кубугыл!

У тебя орду отнимет он, хан,
На твой престол накинёт аркан.
Тёмные твои волосы
Посесть заставит он.
Мутные твои глаза
Покраснеть заставит он.
Жили здесь твои отец и дед,
Но тебя, хан Токтамыш,
Он прогонит на старости лет.
Разрежет он твою ступню,
Волосами её набьёт.
Подобную светлому дню
Супругу твою Джанике;

Сладкогласную Ханеке,
Подобную соловью;
И прекрасную Кюнеке,
Подобную деде в раю, —
В добычу свою превратит,
Веселье их прекратит,
Зачахнет их красота.
Плётка шею твою рассечёт.
Кровью грудь твою истечёт.
Венценосной твоей голове
Этот муж окажет почёт:
С плеч её отсечёт.
Ужели я не знаю людей?
А ежели я знаю людей,
Этот батыр, Кубугыл, —
Сын Кутлукыи – Идегей!

V. О том, как Идегей убежал к Аксак-Тимиру

Так Субра стихами сказал...
Повторяя последний стих,
То затихал, то вздыхал
Сбор старейшин седых.
В смятение пришёл Токтамыш,
Он слова не мог сказать,
Вставал, садился опять...
Люди, что были хороши,
Приняли в тайники души
Слова, что старец произнёс,
Плакали, не скрывая слёз.
Те, что дурной имели нрав,
Старца слова душой не приняв,
Говорили, над старцем смеясь:
«Одряхлел, поглупел старик...
Чушь болтает его язык!»

Тут воскликнул Кин-Джанбай:
«Оказывается, таков
Таинственный Идегей!
Среди множества наших сынов —

Единственный Идегей!
Да будет он вечно здоров —
Воинственный Идегей!
Испытал Идегея хан:
Высок Идегея сан!
Сановники, бии, мурзы!
Мёд прозрачней слезы
Идегею нальём поскорей.
Когда среди нас Идегей
Оказался мужем таким, —
Окажем ему почёт,
Пусть в чаши мёд потечёт:
Досыта напоим!»

Тут зашумел ханский сбор.
Молчавшая до сих пор
На хана взглянула Джанике,
И хану шепнула Джанике:

«Если Идегей не погиб,
Если сын Кутлукы живёт,
Пусть ему гибелью будет мёд.
За отцом последует он!
Одну чашу с мёдом подай,
Одну чашу с ядом подай,
И пускай отведаёт он!

Бии твои держат ножи.
Крепче ножи держать прикажи.
Чтобы не выпали из рук,
Чтобы не притупились вдруг!»

Но стоял средь ближайших слуг
Тангысын, напрягая слух.
Он подслушал ханши слова.
Глаз прищулив едва-едва,
Тангысын Ангысыну мигнул.
Ангысын головою кивнул,
И кончив на том разговор,
Незаметно вышел во двор.
Чтобы дело пошло верней,
Перерезал он стремяна
На приколе стоявших коней.
И чубарого скакуна,
На котором скакал Идегей,
На дорогу вывел потом,
И дворец обогнув на нём,
У наружных сошёл дверей.
Идегею дал он понять:
«Если вздумаешь пировать —
Первым иди, первым уйди.
Ночь у тебя впереди.
На дорогу я вывел коня.

Твой отец бы понял меня!
Ночь пройдёт, чтобы день открыл
Из ястребиных, чёрных крыл
Тебе приготовленный пух.
Таков мой голос, таков мой слух.
Ещё я скажу слова:
У биев остры рукава,
А ты – единственный сын.

Имя моё – Ангысын.
Остальное сам разумеи»³².
Понял его Идегей.
Посмотрел на знатных мужей.
Увидал в концах рукавов
Блеск обнажённых ножей.
Кин-Джанбай выходит вперёд.
Отравленный жёлтый мёд
Преподносит и говорит:
«Ханский отведай саркыт»³³.
И когда он чашу поднёс,
Отрава, что в ней была,
Идегею ударила в нос.
Воскликнул муж Идегей:

³² Имя «Ангысын» означает: «Пусть поймёт».

³³ Саркыт – остаток напитка в чаше. Считалось большим почётом испить остаток ханской чаши.

«Ай, ай, мне больно до слёз,
Ты окровавил мой нос?»

Зажимая пальцами нос,
Шагнул он через порог,
А там он увидеть мог
Пятнисто-чубарого коня,
Из рода Тулпарова коня,
По имени Тим Чуар.
Не тратил времени Идегей.
Коснулся стремени Идегей,
Нагнувшись, поднял колчан с земли,
И вот уже конь скрылся вдали.
Обернулись, – а всадника нет,
Скакуна теряется след.
Случившееся понял Субра,
Прорицанье своё изрёк,
В песенное слово облёк:
«Вы теперь не ждите добра.
Если шагнул он через порог,
За Идиль убежит он, кажется?
Если от вас убежать он смог,
До Шах-Тимира, чтобы помог,
Скакуна устремит он, кажется!
Если переплывёт через Идиль,
Если вдали поднимет он пыль,

В Самарканд поспешит он, кажется!
Если до Шаха-Тимира дойдёт,
Шаха-Тимира сюда приведёт,
Хан-Сарай разгромит он, кажется!»

«Ир-Каплан к нему подскочил
И за медный ворот схватил...»

И Токтамыш понял тогда,
Какая грозит ему беда,
И позвал он девять мужей,
Приказал им сесть на коней,
Поскакать во весь опор.
Вышли девять биев во двор.
Что же предстало их глазам?
Сёдла валяются тут и там,
Перерезаны стремяна.
Как взобраться на скакуна?
Не видят батыры пути:
С какой стороны подойти?
Не знает один, где стать ногой,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.